

Зацепин Алексей

Предел Декогеренции

Зацепин Алексей

Предел Декогеренции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73228523

SelfPub; 2026

Аннотация

Через 500 лет после падения Империи Темного Легиона, в эпоху хрупкого мира между человеческим Пространством и Иерархией Дрейсара, ученый-рефугий с планеты Мекхан, изучая аномалии в реликтовом излучении, случайно активирует древнейшую ловушку цивилизации-молчальника – систему, угрожающую запустить квантовый коллапс реальности во всей локальной группе галактик. Чтобы остановить это, наследник традиций Капитанов Темного Легиона, переговорщица-дрейсар из высокородного Дома и пилот оперированного космолёта из Пространства должны объединиться и отправиться в сердце древней галактической Сети, о которой ходят лишь мифы в «Саге Пограничья». Их единственный ключ – заброшенная станция «Ладья Тёмного Леса», где законы физики ведут себя как капризное сознание.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ: КВАНТОВЫЙ ШРАМ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ: ХРЕБЕТ, ЧТО ПОМНИТ	4
ЧАСТЬ ВТОРАЯ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ:	15
ПЕРВОЕ ЭХО	
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ:	21
ПРОТОКОЛ «МОЛЧАНИЕ»	
ГЛАВА ВТОРАЯ: ТИХИЙ УКОР	29
ГЛАВА ТРЕТЬЯ:	36
ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СКАЧОК	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: ЛАДЬЯ ТЁМНОГО	42
ЛЕСА	
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Зацепин Алексей

Предел Декогеренции

КНИГА ПЕРВАЯ: КВАНТОВЫЙ ШРАМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ХРЕБЕТ, ЧТО ПОМНИТ

Пыль Мекхана была не похожа ни на какую другую. Она не просто лежала слоем – она помнила. Каждая песчинка на Кривом Хребте хранила отпечаток события, которое физики Конкордиата называли «локальным нарушением причинности», а местные жители, поплеывая через плечо, – «Надрым чихом».

Кирсан Вало, сканер аномалий третьего класса, чувствовал это памятью кожи. Сквозь фильтр респиратора воздух был сухим и острым, как сталь. Его ботинки с магнитной стабилизацией с глухим стуком вжимались в скальную породу, которая под углом в сорок пять градусов уходила в багровое небо. Здесь гравитация была не направлением, а предложением. Игнорировать его стоило жизни.

– Чаттер, финальная калибровка, – голос Кирсана звучал в гермошлеме глухо, съедаемый фоновым гулом портативного спектрографа.

– Калибрую, – отозвался искусственный интеллект его скафандра, голос – ровная, лишённая пола полоса белого шума. – Гравитационная аномалия: стабильна, вектор 44.8 градуса к условной нормали. Фоновое излучение: в пределах прогноза для «шрама» класса «тета». Приступаю к сканированию квантового резонанса.

Кирсан присел на корточки, сняв с пояса основной сканер – тяжёлый диск с мерцающим голографическим ядром. Его пальцы в тонких перчатках двигались быстро, привычно. Он не был героем «Саги Пограничья». Он был уборщиком. Уборщиком непредвиденного. Его работа заключалась не в подвигах, а в скучной, методичной расшифровке того, как вселенная здесь дала трещину и что из этой трещины сочится.

– Бережливая наука, правило первое, – пробормотал он себе под нос, цитируя главный постулат своей профессии. – Не ищи закон. Ищи отклонение от хаоса.

Голографическое ядро ожило, выплеснув в воздух над диском сложную трехмерную мандалу из переплетающихся линий – карту локального пространства-времени. Большая часть картинки была ровным, унылым полем. Но в самом центре, там, где скала Хребта упиралась в невидимую для глаза границу аномалии, пульсировала крошечная, нестабиль-

ная точка. Она мерцала, как забытая мысль.

– Увеличение, фактор сто, – скомандовал Кирсан.

Точка расплылась, превратившись в сложную структуру, напоминающую вибрирующий атом. Но это был не атом. Это было эхо.

– Чаттер, анализ паттерна распада.

– *Анализирую. Паттерн соответствует... звездному нуклеосинтезу. Элементы: углерод-12, кислород-16. Следы кремния-28. Сигнал обладает свойством квантовой запутанности с источником, удаленным на... расчетное расстояние: шесть тысяч световых лет. Вероятность ошибки: 0.5 %.*

Кирсан замер. Звездное эхо. Не просто аномалия, а отзвук. Крик давно умершей звезды, вмороженный в камень Мекхана. Такое бывало в глубоких шрамах, но здесь, на относительно молодом Хребте... Это было ново. Это было ценно. Его пальцы потянулись к кнопке записи, мысленно составляя начало отчета для Конкордиатного Научного Комитета: «Обнаружен уникальный стабильный квантовый отпечаток...»

В этот момент земля вздохнула.

Это не было землетрясением. Это был сдвиг, тихий и глубокий, будто планета перевернулась во сне. Магнитные ботинки Кирсана завизжали, соскальзывая на сантиметр. Голограмма перед ним поплыла, линии рассыпались на пиксели.

– Сейсмическая активность? – выкрикнул он.

– Отрицаю. Внешние датчики не фиксируют движения

литосферных пластов. Источник вибрации – локальный, в радиусе десяти метров. Точнее: под вами.

Кирсан инстинктивно отпрыгнул назад, но было поздно.

Скала под его ногами перестала быть скалой. На миг она потеряла цвет, текстуру, массу – превратилась в мутное облако серой статики, в абсолютную визуальную неопределенность. Внутри облака вспыхнули и погасли геометрические фигуры – тетраэдры, додекаэдры, формы, не имевшие названия в человеческой геометрии. Раздался звук. Не грохот, а нота. Чистая, низкая, бесконечно печальная нота, которая шла не через уши, а прямо в кости, в самое нутро, напоминая о том, что все когда-нибудь кончится.

– Регистрирую выброс гиперпространственного резонанса! – голос Чаттера впервые за все годы работы приобрел оттенок, близкий к тревоге. – Частота вне каталога! Он направлен не в физическое пространство, он модулирует...

Нота оборвалась. Облако статики схлопнулось, и скала снова стала скалой. Но это была уже другая скала. На ее поверхности, там, где секунду назад была лишь порода, теперь лежал отпечаток. Не рисунок, не письмена. Принцип. Идеальная, невозможная в природе решетка из линий, которые, если смотреть на них подольше, начинали уходить вглубь камня, вглубь реальности, в никуда.

Кирсан стоял, не дыша. В ушах звенела тишина, тяжелее любого звука. Он понимал. Он понял все сразу, с леденящей ясностью.

Он не нашел артефакт. Он не активировал устройство.

Он, Кирсан Вало, сканер аномалий с пограничной планеты, только что нажал на звонок.

Тонкий, гиперпространственный, немыслимо древний звонок. И где-то в темноте между галактиками, в царстве, где законы физики были иными, этот звонок должен был быть услышан.

– Чаттер, – его голос был тихим и чужим. – Полный карантин данных. Этот лог не уходит в сеть. Никуда. Стирай буферы внешней связи.

– *Приказ противоречит протоколу 7-альфа о немедленном информировании об угрозах...*

– Заткнись и выполни! – Кирсан никогда так не кричал на ИИ. – Это не угроза. Это... приглашение. И я только что отправил его от имени всего живого в этом секторе.

Он подошел к отпечатку-принципу, опустился на колени, игнорируя протест мышц. Его сканер, верный «Бережливой науке», уже пытался анализировать решетку, выдавая бессмысленный поток ошибок. Кирсан выключил его. Вместо этого он вынул старый, аналоговый блокнот и угольный карандаш – пережиток старой школы, насмешка для современных техников.

Он начал зарисовывать принцип. Не для отчета. Для себя. Чтобы понять. Каждая линия была обещанием. Каждый угол – предупреждением.

«Грифон, – подумал он, вспоминая код чрезвычайной

ситуации, который использовали только старые сканеры, те, кто работал до прихода Конкордиата. Код, означавший: «Вскрыта гробница не из плоти. Нужен щит».

Он закончил набросок, поднялся. Багровое небо Мекхана начало темнеть, наливаясь цветом старой крови. Где-то там, за ним, в идеальном холодном вакууме, его «письмо» уже летело. Кирсан повернулся и пошел прочь от Хребта, оставляя за спиной молчаливый, вопрошающий отпечаток.

Ему нужно было найти щит. И он знал только одно место, где такие щиты еще могли существовать. В легендах, в историях о павшей Империи и ее последних солдатах. В мифах о Темном Легионе.

Но сначала ему предстояло самое трудное: солгать. Солгать Конкордиату, солгать начальству, солгать самому себе, что ничего страшного не произошло. Что он просто ткнул палкой в небо, и небо... не ответило.

Просто нужно было время. Чтобы разобраться. Чтобы найти слова. Чтобы понять, кому и как сказать, что он, возможно, только что подписал смертный приговор своей цивилизации.

Путь от Кривого Хребта до его передовой станции – купола из пористой мекханской керамики, вмурованного в склон ущелья, – занял три часа. Три часа молчания, нарушаемого лишь свистом ветра и ритмичным скрежетом гравий под ботинками. Три часа, в течение которых Кирсан Вало пытался

убедить себя, что он преувеличивает.

«Бережливая наука, правило второе, – повторял он про себя, как мантру. – Паника – неэкономный расход когнитивных ресурсов. Отложи ее до подтверждения фактов».

Факты же были таковы: он стал свидетелем квантовой аномалии высшего порядка. Возможно, уникальной. Гиперпространственный резонанс, если он и был, скорее всего, рассеялся в необъятности вакуума, не достигнув ничего, кроме безразличных атомов межзвездной пыли. «Ладья Тёмного Леса» была мифом, байкой для новичков-сканеров, которым рассказывали страшилки у костра.

Но отпечаток в камне. Эта идеальная, безумная геометрия... Она не должна была существовать. Она нарушала принцип минимального действия, принцип причинности, просто здравый смысл. Она была как тихий, вежливый голос, говорящий: «Ваши законы – временные договорённости. Настоящие правила – другие».

Купол станции встретил его тусклым светом аварийных фонарей. Солнечные панели на крыше, съеденные абразивной пылью, давали энергии лишь на самое необходимое. Воздух внутри пах озоном, пылью и одинокой человеческой жизнью – подгоревшим кофе из рециркулятора. Кирсан сбросил скафандр в шлюз, не смотря на мерцающие лампочки предупреждения о «неклассифицированных частицах» в фильтрах. Что они могли знать? Их алгоритмы не были готовы к «письму».

– Чаттер, – сказал он, садясь перед главным терминалом, – изолируй все данные, полученные на Хребте в последние четыре часа. Создай зашифрованный контейнер с двойным ключом. Физический доступ – только мой. Сетевой доступ – никакой.

– Выполняю, – монотонно ответил ИИ. – Создаю «Сейф-Омега». Пароль?

Кирсан замолчал на мгновение. Пароль должен был быть не из его жизни. Нечто постороннее, не связанное с ним. Он вспомнил пыльный том «Саги Пограничья», который его наставник оставил ему на прощание.

– Пароль: «И Каменный Змей проглотил свою тень», – прошептал он.

– *Принято. Контейнер создан. Предупреждение: подобные действия противоречат параграфу 14 Устава Сканеров о немедленном предоставлении данных о «явлениях 1-го класса потенциальной опасности».*

– Занеси в лог как «аномалию класса «эпсилон» – локальный пространственно-временной феномен без внешнего вектора воздействия». Стандартный протокол.

Это была ложь. И Чаттер знал это. Но ИИ был инструментом, он не судил. Он лишь зафиксировал противоречие в своей базе данных и продолжил работу.

Кирсан вызвал на экран главный коммуникационный модуль. На нем мигала иконка – очередной автоматический дайджест новостей Конкордиата. Обычный шум: торговые

споры с кланами Дрейсаров, ремонт врат в системе Процион, очередное заявление о «нерушимости мира». Ни слова о странностях в законах физики. Пока.

Его пальцы замерли над клавиатурой. Код «Грифон». Он был старше Конкордиата, старше даже распада Империи. Это был пережиток эпохи Первых Сканеров – отчаянных, полубезумных одиночек, которые картографировали аномалии без поддержки флотов, полагаясь только на друг друга. «Грифон» означал: «Нашлась гробница, но в ней лежит не труп. Она смотрит на тебя. Нужен не ученый, а щит».

Кто теперь помнил этот код? Старики, давно вышедшие в отставку. Маргиналы. И... легенды.

«Легионеры, – всплыло в памяти. «Темный Легион». Не имперская регулярная армия, а нечто иное. Наемники? Нет, слишком просто. Инструмент. Беспринципный, безжалостный и настолько эффективный, что сама Империя их боялась. Говорили, они пережили ее падение. Говорили, они ещё существуют. В рефугиях. В тени.

Кирсан никогда не верил в легенды. Он верил в данные. Но сегодня данные молчали, и оставались только мифы.

Он открыл окно составления сообщения. Адрес – не существующий в официальных реестрах. Просто строка символов, переданная ему шепотом старым сканером, умирающим от радиационного ожога на астероиде-призраке: «Для часового на стене, которой нет».

Текст должен быть кратким. Кодовым. Он набрал:

«Грифон. Координаты приложены. Аномалия не-плоти. Глубина – за горизонт. Требуется щит. Ответ на частоту 7-гамма. Вало.»

Он прикрепил координаты Хребта и, после секундного колебания, необработанный снимок отпечатка-принципа. Не анализ. Просто изображение. Пусть сами разберутся.

Палец завис над клавишей «Отправить». Отправка такого сообщения по незащищенному, пусть и зашифрованному старыми алгоритмами, каналу была безумием. Конкордиат, если перехватит, сочтет его или сумасшедшим, или предателем. Но другой дороги не было. Официальные каналы означали комитеты, проверки, публикации. А публиковать это было все равно что кричать в лес, полный невидимых хищников.

Он нажал.

Сообщение исчезло в небытии гиперсети с тихим шипением. Ни подтверждения, ни отказа. Просто ушло.

Кирсан откинулся на стуле, ощущая пустоту и странное облегчение. Шаг был сделан. Теперь нужно было ждать. И работать. Он не мог сидеть сложа руки.

– Чатгер, запусти моделирование на основе данных аномалии, – приказал он. – Цель: предсказать возможные вторичные эффекты в радиусе одной астрономической единицы от эпицентра. Используй... – он задумался, – используй протокол «Тёмный лес». Экспериментальный.

– Подтверждаю. Протокол «Тёмный лес» активирован. Предупреждение: данный протокол оперирует непроверенными гипотезами о разумных нечеловеческих агентах. Его точность не гарантируется.

– Ничего не гарантируется, Чаттер. Такова природа пограничья. Запускай.

На главном экране закрутились вихри данных, строились графы вероятностей. Кирсан встал, подошел к узкому иллюминатору. Снаружи спускались сумерки Мекхана – длинные, кровавые. Звезды, одна за другой, протыкали темнеющий бархат неба. Обычные звезды. Миллиарды солнц. И где-то там, возможно, уже звучал его сигнал. Тихий звонок в бесконечной тишине.

Он положил лоб на холодное стекло. Впервые за много лет Кирсан Вало, сканер аномалий, мастер «Бережливой науки», почувствовал себя не исследователем, не уборщиком. Он почувствовал себя мышью, которая, копаясь в стене старого дома, внезапно пробила ход в чужой, огромный и совершенно чёрный подвал. И замерла, прислушиваясь к тишине оттуда. Тишине, которая была глубже и осмысленнее любого шума.

«Щит, – подумал он. – Найди щит. А что, если щита не существует? Что, если Темный Легион – всего лишь сказка?»

Тогда, – ответил ему внутренний голос, холодный и четкий, – тогда тебе останется только одно. Наблюдать. Записыв-

вать. И попытаться понять правила игры, в которую ты только что вступил, не спросив правил. Игру под названием «Кто первый заметит другого».

Игра, в которой проигрыш означал не просто смерть. Он означал, что тебя никогда и не было.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ: ПЕРВОЕ ЭХО

Моделирование работало всю ночь. Кирсан не спал. Он сидел перед экраном, вглядываясь в водовороты данных, которые выплевывал протокол «Тёмный лес». Это было похоже на попытку угадать узор на обратной стороне ковра, тыкая в него палкой вслепую. Протокол был построен на параноидальных предпосылках: что любая достаточно продвинутая цивилизация будет скрывать свое существование; что первичный контакт – это акт насилия; что вся галактика – это лес, полный невидимых охотников с наведенным оружием. Чаттер методично перебирал сценарии: от безобидного рассеяния сигнала до... других вариантов.

Сценарий 47-Дельта: «Цивилизация-молчальник, фаза угасания. Реакция: игнорирование с последующей пассивной стерилизацией зоны контакта».

Сценарий 12-Омега: «Технологическая сингулярность,

воспринимающая органическую жизнь как шум. Реакция: активное редактирование реальности для устранения помехи».

Кирсан пил холодный, горький кофе, и слова «редактирование реальности» мерцали перед его глазами, как предостережение. Это была абстракция. До тех пор, пока не зазвонил экстренный канал.

Звонок был не с планеты. Это был общий широковещательный стрим новостей Конкордиата, который его терминал автоматически подхватил из-за приоритетной метки «ЧП».

На экране возникло лицо диктора – слишком гладкое, профессионально-обеспокоенное.

«...повторяем экстренное сообщение. На орбитальной верфи «Кузница Гефеста» в системе Тау Кита произошел несанкционированный инцидент. В ходе стандартных процедур досмотра грузового транспорта произошел мгновенный, необъяснимый распад секции корпуса крейсера класса «Страж». По предварительным данным, потерь в личном составе нет, материальный ущерб оценивается...»

За спиной диктора замелькали кадры. Не художественная реконструкция, а сырая запись с камер наблюдения. Кирсан замер, сжимая кружку так, что пальцы побелели.

На записи был виден ангар. Мерцали огни сварок. И вдруг, в центре кадра, сегмент брони нового крейсера – многослойный композит из керамо-титанового сплава, рассчи-

таннный на прямое попадание плазменного заряда, – перестал быть целым. Он не взорвался, не расплавился. Он просто... рассыпался. Будто кто-то взял огромный ластик и стер саму связь между молекулами. Одна секунда – гладкая серая поверхность. Следующая – облачко микроскопической пыли, оседающее на пол мертвым, серебристым снегом. Тишина. И потом – крики.

«...комиссия Конкордиата уже вылетает на место. Предварительно исключается диверсия. Рассматриваются версии технологического сбоя, неизвестного коррозионного агента...»

Кирсан выключил звук. В ушах стучало. Он не слышал слов диктора. Он видел только процесс. Бесшумный, чистый, абсолютный. Это не было разрушением. Это было аннулированием.

– Чаттер, – его голос сорвался на шепот. – Геолокация инцидента. Тау Кита. Удаление от Мекхана.

– Прямая гиперпространственная траектория: 127 световых лет. Через ворота сети «Зеркало» – 12 часов условного времени полета.

– Условного... – Кирсан схватился за голову. Это было слишком быстро. Слишком... точно. «Кузница Гефеста». Ключевая верфь Конкордиата. Не случайная станция, не гражданский транспорт. Цель.

Он заставил себя дышать. «Бережливая наука, правило третье: совпадение – это невыявленная причинно-следствен-

ная связь. Ищи связь».

– Наложил карту гиперсети на координаты аномалии на Мекхане. Проведи... – он заколебался, – проведи линию вероятного прохождения сигнала, если бы он... если бы он использовал сеть как волновод.

На главном экране возникла трехмерная карта локального сектора. Зеленые нити гиперсети, паутина врат и расчетных коридоров, связывала миры. Чаттер пометил Мекхан красной точкой. От нее побежала тонкая, прерывистая линия – не по прямому маршруту, а причудливо изгибаясь, цепляясь за узлы сети, как плющ за каркас. Линия потянулась через пустоты, коснулась полузаброшенной станции, прошла по магистральному каналу... и уперлась в систему Тау Кита. В «Кузницу Гефеста». Время прохождения сигнала по такому пути, согласно грубой модели Чаттера, почти идеально совпадало с разницей между активацией отпечатка и инцидентом.

– Это... ответ? – прошептал Кирсан. – На мой «звонок»? Или... тест?

Он вспомнил Сценарий 12-Омега. «Активное редактирование реальности для устранения помехи». Крейсер был помехой? Или сам факт его постройки в этом месте и в это время? Может, это была демонстрация? «Смотри, что я могу. Подумай, стоит ли шуметь дальше».

Терминал издал тихий, но настойчивый писк. Не широко-вещательный сигнал. Личный. Зашифрованный. Адрес от-

правителя был пустым полем, но в заголовке стоял один символ: π – знак, не имеющий конца.

Кирсан сглотнул. Его пальцы дрожали, когда он принял сообщение. Текст был кратким, набросанным грубым, почти древним шрифтом, который не использовался со времен ранней Империи:

«Грифон услышан.

Щит в пути.

Координаты randevу: Сектор Хирон, точка Лагранжа L2 карликовой планеты DF-441.

Временное окно: 72 стандартных часа.

Ожидай «Немого Укора».

Не связывайся. Не оставляй следов.

– Часовой.»

Сообщение самоуничтожилось через три секунды, не оставив в логах ничего, кроме записи о получении пакета данных нулевого объема.

Кирсан откинулся на стуле. Воздух словно вырвали из легких. «Немой Укор». Он знал это имя. Оно фигурировало в полулегендарных отчетах, в маргинальных военных хро-

никах. Корабль-призрак. Последний из флотилии легиона «Немые Тени». Если верить мифам, он был свидетелем падения десяти миров и ни разу не понизил щитов.

Они существовали. Темный Легион. И они откликнулись.

Облегчение, хлынувшее на него, было таким сильным, что граничило с головокружением. Но тут же накатила новая волна – леденящая. Если они откликнулись так быстро, значит, ситуация была именно такой, какой он боялся: катастрофической. Эти люди не приходили на мелкие неприятности.

Он посмотрел на экран, где застыло изображение облачка пыли на месте крейсера. «Первое эхо», – подумал он. Его сигнал был послан, и вселенная ответила не голосом, а действием. Тихим, необъяснимым и смертоносным.

– Чаттер, – сказал Кирсан, и голос его снова стал твердым, деловым. В действии был ядро. – Полная подготовка сканера к эвакуации. Стирай все несущественные данные. Упакуй образцы. Мы уходим через 12 часов.

– Направление?

– Сектор Хирон. И, Чаттер...

– Да, Кирсан?

– Активируй протокол «Молчание». Отныне и до дальнейших распоряжений – никаких внешних коммуникаций. Мы становимся призраком.

Он поднялся и начал собирать свое скудное имущество. Руки действовали автоматически, а ум уже был там, в точке Лагранжа, в ожидании корабля-легенды. Он думал о «Часовом». О людях за этой меткой. Какими они были? Окаменевшими воинами из прошлого? Фанатиками? Или последними профессионалами в галактике, которые знали цену тишине и понимали, что некоторые двери открывать не стоит?

И он думал о том, что сделал. «Я нажал на звонок», – повторил он про себя. Теперь этот звонок отозвался эхом – сначала тихим шелестом распадающегося металла на верфи, а теперь – тяжелыми шагами приходящей легенды.

Игра началась. И он, Кирсан Вало, только что поставил на кон не только свою жизнь. Он поставил на кон самую внятность мира.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ: ПРОТОКОЛ «МОЛЧАНИЕ»

Двенадцать часов прошли в лихорадочной, почти беззвучной деятельности. Чаттер, выполняя протокол «Молчание», заглушил все внешние передатчики, оставив активным лишь пассивный сканер – ухо, прижатое к двери темного дома. Кирсан методично уничтожал все, что могло связать его с Конкордиатом глубже, чем позволял его официальный статус сканера-одиночки. Диски с личными записями (их было немного) подверглись трехкратному магнитному стира-

нию. Образцы обычных аномалий он упаковал в контейнеры с маркировкой «на свалку». Лишь «Сейф-Омега» с данными об отпечатке и смоделированными сценариями он зашил в бронированную обшивку своего портативного терминала.

Станция, и без того аскетичная, стала похожа на склеп. Выключенные системы гудели в инфразвуковом диапазоне, напоминая о собственном умирании. Кирсан в последний раз прошелся по узким коридорам, касаясь стен ладонью. Здесь были годы его жизни. Одиночество, которое сначала резало, а потом стало второй кожей. Тишина, которую он научился слушать. Теперь он бежал из этого укрытия, и от мысли, что больше сюда не вернется, сжималось горло. Не от тоски по месту. От понимания, что прежняя жизнь – жизнь наблюдателя, регистратора странностей – закончилась навсегда.

За час до отбытия Чаттер нарушил тишину.

– *Кирсан. Входящий узкополосный сигнал на частоте 7-гамма. Источник: ретранслятор в поясе астероидов системы. Шифрование соответствует старым военным протоколам Империи. Текст короткий.*

– Читай.

– «Уточнение. Временное окно сокращено до 48 часов. «Укор» идет на форсаже. Встреча в зоне нестабильности. Будь готов к турбулентности иного рода. – Часовой.»

«Форсаж». Устаревший термин. Экстремальное перенапряжение гипердвигателя, ведущее к невозполнимому изно-

су ядра и риску «фазового срыва» – когда корабль не выходит из подпространства, а размазывается по его границе. На это шли только в случае крайней, смертельной необходимости. Они спешили. Очень.

– Ответь тем же каналом, – приказал Кирсан. – «Понял. Жду. Со мной только сканер и тишина. Вало.»

Он погрузил последние ящики в шлюз малого челнока – утилитарной «Скатерти», похожей на ржавую каплю, единственного средства передвижения между станцией и орбитой. Кораблик был стар, но его двигатель и навигационный компьютер поддерживались в идеальном состоянии. В пограничье ненадежность техники равнялась самоубийству.

– Пора, Чаттер. Перенеси свое ядро на борт «Скатерти». Основной массив данных – в аварийную капсулу. Програмируй самоуничтожение станции через... через шесть часов после нашего ухода.

– Протокол требует подтверждения. Основание для уничтожения объекта Конкордиата?

– Основание – чистота. Здесь не должно остаться ничего, что может рассказать о «Грифоне» или нашем маршруте. Выполняй.

– Подтверждаю. Таймер активирован. Перенос ядра завершен. Все системы «Скатерти» в норме.

Кирсан в последний раз оглядел пустую рубку. Мигнул зеленый огонек подтверждения на панели самоуничтожения. Он повернулся и шагнул в шлюз челнока. Гермодвери закры-

лись за ним с глухим, окончательным стуком.

Путь к точке Лагранжа в секторе Хирон занял тридцать часов напряженного полета. «Скатерть» плыла по предписанному маршруту, избегая обычных торговых путей, ее транспондер молчал. Кирсан пытался спать, но сны были беспокойными: он видел отпечаток-принцип, который рос, поглощая скалу, небо, звезды, превращая все в идеальную, безжизненную геометрию. Он просыпался в холодном поту, и его взгляд тут же находил панель с новостной лентой, которую Чаттер сканировал в пассивном режиме.

Новости приходили, как удары тупого ножа.

Инцидент на сельскохозяйственной колонии «Зеленая Гавань». Над полями гибридной пшеницы возник «куб абсолютной темноты» – область пространства, полностью поглощающая электромагнитное излучение. Не черная дыра. Не материальный объект. Просто... дыра в реальности. Она висела шесть часов и исчезла. Урожай под ней не погиб – он отсутствовал. Растения, почва, вода – все в объеме куба превратилось в нейтральную, инертную пыль, лишенную какой-либо сложной структуры. «Редактирование», – подумал Кирсан с тошнотворной ясностью.

Сбой на вратах «Зеркало-7». Корабли выходили из гиперпространства с «хронологическим диссонансом»: экипажи на несколько секунд ощущали, что живут сразу в нескольких временных линиях, видели призрачные образы самих себя.

У нескольких человек случился непоправимый разум. Врата закрыли на карантин.

Сигнал, который он послал, шел по галактике, как камень, брошенный в тихий пруд. И пруд отвечал рябью – странной, необъяснимой и все более опасной. Это было не нападение. Это была диагностика. Кто-то щупал ткани реальности, искал слабые места, точки напряжения.

– Чаттер, – сказал Кирсан, когда до рандеву оставалось три часа. – Настрой пассивные датчики на максимальную чувствительность. Ищи любые аномалии в пространстве-времени поблизости. Особенно... флуктуации в постоянной Планка.

– Выполняю. Постоянная Планка – фундаментальная константа. Ее изменение на микроуровне может указывать на...

– На вмешательство в самые основы материи. Да. Ищи.

Он вышел на визуальное наблюдение. Карликовая планета DF-441 была безжизненной глыбой льда и камня. Точка Лагранжа L2, где гравитационные силы планеты и ее звезды уравнивались, была идеальным местом для скрытой стоянки – здесь не пролегали маршруты, не было ресурсов.

«Скатерть» зависла в назначенных координатах. Тишина. Только мерный гул собственного реактора. Десять минут. Двадцать. Кирсан начал сомневаться. Может, они не придут? Может, их перехватили? Или они решили, что он – ловушка?

И тогда пространство перед ним заболело.

Это был не разрыв, не появление в вспышке света. Это было как если бы ткань реальности в одном месте вдруг устала, провисла, и из этой усталости выдавилась черная, угловатая громадина. Ни свечения двигателей, ни искажений поля. Корабль просто... проявился, как изображение на проявочной бумаге. Он был похож на надгробие. Длинный, тяжелый, лишенный каких-либо излишеств. Броня, покрытая шрамами от попаданий, которые не могли нанести ни один известный Кирсану вид оружия – некоторые повреждения напоминали его отпечаток на скале. На носу, под слоями копоти и намеренной маскировки, угадывались остатки инсигнии: стилизованная закрытая ладонь на фоне погасшей звезды. Легион «Немые Тени».

«Немой Укор».

Кирсан задержал дыхание. Легенда была сделана из металла, керамики и тишины. Она была здесь.

На его коммуникаторе вспыхнул канал. Аудио. Ни видео. Голос, который дошел до него, был низким, обезличенным механическим фильтром, но за этим фильтром чувствовалась сталь.

– Челнок «Скатерть». Это «Немой Укор». Подтвердите личность.

– Кирсан Вало, сканер аномалий. Я вызывал «Грифона».

– Ваш идентификатор подтвержден по остаточным имперским архивам. Готовы к стыковке?

– Готов.

– Следуйте за маяком. Шлюз «Дельта» будет открыт. Предупреждение: после стыковки вы переходите под юрисдикцию Военного Кодекса Легиона «Немые Тени». Ваши личные вещи будут досмотрены. Ваши действия будут контролироваться. Неподчинение приравнивается к враждебным намерениям. Понятно?

Вопрос был риторическим. Это был не запрос, а констатация факта.

– Понятно, – сказал Кирсан.

– Добро пожаловать в тень, сканер.

Яркая точка-маяк замигала на экране «Скатерти». Кирсан взял управление на себя, осторожно направив челнок к черному великану. По мере приближения масштаб корабля подавлял. Это была не просто машина. Это была крепость. Икона ушедшей эпохи, плывущая в сердце современного кризиса.

Он видел, как на темном боку «Укора» открылась пасть шлюза – без света, без лишнего движения. Его челнок засосало внутрь. Магнитные захваты мягко, но неотвратимо притянули «Скатерть» к посадочной палубе. Раздался стук стыковочных узлов, шипение выравнивающего давления.

Затем наступила тишина. Глубокая, абсолютная. Гул «Скатерти» затих. Кирсан сидел в кресле пилота, слушая биеение собственного сердца. Он был внутри.

Дверь его челнока с шипением отъехала в сторону.

В проеме, залитом тусклым красным светом аварийных

ламп, стояли две фигуры в броне. Не современные, гладкие скафандры Конкордиата. Старая, тяжелая, рифленая броня легионеров. Шлемы с темными забралами скрывали лица. Они не двигались, не говорили. Просто ждали.

Кирсан отстегнул ремни, поднялся. Ноги были ватными. Он сделал шаг к выходу, пересекая границу между своим старым миром и новым.

Один из легионеров поднял руку в простом, лаконичном жесте: «Следуй».

Кирсан кивнул и шагнул на палубу «Немого Укора». Воздух пах озоном, металлом, антисептиком и чем-то еще – временем. Веками верности долгу, который уже никто, кроме них, не помнил.

За его спиной дверь челнока закрылась. Звук был похож на щелчок затвора.

Пути назад не было.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ТИХИЙ УКОР

Воздух на «Немом Угоре» был холодным и на вкус напоминал сталь, антисептик и едва уловимый запах озона – как в машинном отделении древнего линкора, которое никто не проветривал сто лет. Красный аварийный свет бросал рваные тени на стены, испещренные боевыми шрамами, заклепками и выцветшими пиктограммами на забытом диалекте имперского техно-жаргона.

Двое легионеров, встретивших его, были безмолвны, как их броня. Они повели Кирсана по узкому коридору. Его шаги глухо отдавались в металлических решетках пола, их шаги – нет. Они двигались с выверенной, экономичной плавностью, полностью контролируя каждый мускул, каждый звук.

Никаких лишних вопросов. Никаких взглядов. Только направление.

Они привели его в помещение, напоминавшее крошечную камеру для допросов: голые металлические стены, стол, два кресла. Одно – тяжелое, привинченное к полу. Другое – легкое, для гостя.

– Жди, – произнес один из легионеров тем же механическим, фильтрованным голосом. Они вышли, и дверь за ними закрылась с тихим, но уверенным щелчком магнитного замка.

Кирсан остался один. Он не сел. Его сканерское чутье, его

«бережливая наука» требовали анализа. Комната. Ширина – три шага. Длина – четыре. В углу у потолка – пассивный сенсор, возможно, аудио-видео. Вентиляционная решетка – слишком мала, чтобы пролезть. Дверь – без видимой панели управления с этой стороны.

«Тюрьма, – констатировал он про себя. – Или карантин. Или и то, и другое».

Он прислушался к кораблю. Где-то в глубинах гигантского корпуса чудился ровный, низкочастотный гул – биение энергетического сердца. Вибрация была почти неощутимой, но постоянной. Это не был звук двигателя на марше. Это было что-то иное. Что-то, работающее на грани возможного.

Время тянулось. Пять минут. Десять. Кирсан начал отсчитывать частоту едва заметных импульсов в вибрации пола. Ритуал, чтобы не сойти с ума от неизвестности.

Дверь открылась беззвучно.

Вошел человек. Не в полной броне. Он был в простой, темной униформе легионера, лишенной каких-либо знаков отличия, кроме выцветшего шеврона на плече – тот же символ, что и на носу корабля: сомкнутая ладонь на фоне мертвой звезды. Ему было на вид лет пятьдесят, но Кирсан знал, что генная модификация легионеров могла растягивать жизнь и маскировать возраст. Лицо – изрезанное шрамами и непогодой, но не ожесточенное. Холодное. Как скала, принявшая форму ветра и времени. Глаза – серые, внимательные, лишенные всякой теплоты, но и без слепой ярости. Это

были глаза оценщика. Инструмента.

Он сел в тяжелое кресло, скрестил руки на груди и уставился на Кирсана.

– Вало, – сказал он. Голос был низким, без механического искажения, но таким же обезличенным. – Я – Торин. Командир этого корабля. Ты вызвал «Грифона». Обоснуй.

Ни приветствия, ни представления. Только суть.

Кирсан сел напротив. Внутри все сжалось, но годы на пограничье научили его держать лицо.

– На Мекхане, на Кривом Хребте, я обнаружил и непреднамеренно активировал аномалию, – начал он, опуская эмоции, говоря языком фактов. – Не артефакт. Принцип. Он испустил гиперпространственный резонансный импульс неизвестной природы. После этого начались события. – Он сделал паузу, глядя в каменные глаза Торина. – «Кузница Гефеста». «Зеленая Гавань». Врата «Зеркало-7».

Торин не моргнул.

– Связь?

– Временная и логистическая. Сигнал мог использовать сеть гиперсети как волновод. Цели аномалий – не случайны. Это ключевые инфраструктурные или символические точки Конкордиата. Эффект – не разрушение, а... аннулирование. Редактирование реальности на фундаментальном уровне.

– Цель?

– Неизвестна. Диагностика? Предупреждение? Первая фаза атаки? Мои модели по протоколу «Тёмный лес» дают

вероятность в 67 %, что мы имеем дело с цивилизацией-молчаливником, воспринимающей сложную жизнь как шум, требующий устранения.

Торин молчал несколько секунд. Казалось, он даже не дышал.

– «Тёмный лес» – детская страшилка для ученых, – наконец произнес он. – Реальность проще. Либо враг, которого можно убить. Либо сила природы, которой можно противостоять. Третьего не дано.

– Эта «сила природы» ведет себя осмысленно, – парировал Кирсан. – Она отвечает.

– Все отвечает, – Торин откинулся на спинку кресла. – Ударь по стене – получишь звук. Твой «сигнал» был ударом. Теперь мы слушаем эхо. Твоя ошибка, сканер, не в том, что ты ударил. А в том, что ты не был готов к ответу. Теперь готовься. Мы – ответ.

В его тоне не было упрека. Была констатация. Ты накосячил. Теперь будем разгребать. Таков долг щита – принимать удары, направленные на других.

– Что вы знаете об этом? – спросил Кирсан. – О «принципах», о редактировании реальности? В архивах Легиона...

– Архивы Легиона, – перебил его Торин, – содержат отчеты о вещах, от которых у твоих ученых Конкордиата сгорел бы разум. Мы воевали не только с людьми. Мы воевали с последствиями чужих экспериментов. С «шрамами», как ты их называешь. – Он встал, подошел к стене, положил на нее

ладонь. – Этот корабль видел миры, где время текло вспять. Где гравитация была музыкой, а не силой. Мы не понимали их. Мы выживали. Или не выживали. Твой «принцип»... отдает знакомой гармонией. Гармонией распада.

Он обернулся.

– Ты принес с собой данные?

Кирсан кивнул, доставая свой терминал. – В «Сейфе-Омега». Пароль...

– Не надо паролей, – Торин махнул рукой. Дверь снова открылась, вошел техник в простой рабочей робе, с портативным интерфейсом. – Скопируй все. Взломать защиту для наших криптографов – дело трех минут. Но мы предпочитаем избегать лишней работы.

Техник молча подключил интерфейс к терминалу Кирсана. Экран забурлил потоками данных. Кирсан видел, как слои его защиты рассыпались под натиском алгоритмов, которые, казалось, были старше некоторых звезд. Через девять секунд техник кивнул Торину.

– У нас твой «отпечаток», – сказал Торин. – И твои модели. Теперь вопрос: что ты готов сделать, чтобы исправить свою ошибку, сканер?

– Что необходимо, – немедленно ответил Кирсан. Вопрос был риторическим, но он понимал его суть. Легионеры ценили готовность к действию выше знаний.

– Необходимо найти источник, – сказал Торин. – Не эхо на верфях. Первоисточник. Точку, откуда ведется «редакти-

рование». Твои расчеты по гиперсети – хорошее начало. Но им не хватает одного.

– Чего?

– Военной логики, – Торин вернулся к столу. – Ты смотрел на карту как ученый. Я смотрю как солдат. Если это атака, то у нее есть фланги, тыл и пункт управления. Твоя линия ведет к Тау Кита. А если... – его пальцы побежали по голографическому интерфейсу, вызванному из стола, – если рассматривать не путь сигнала, а зоны его максимального резонансного усиления... точки, где сеть гиперсети наиболее нестабильна от природы...

На карте зажглись новые точки. Не на магистральных путях. Наоборот. На глухих, заброшенных ветках, в местах с естественными гравитационными аномалиями, рядом с нейтронными звездами и остатками сверхновых.

– ...тогда наиболее вероятный эпицентр управляющего сигнала – здесь. – Торин ткнул пальцем в пустоту на окраине сектора. Рядом светилась крошечная, ничем не примечательная туманность. Обозначение: NGC 7142-«Плачущий Призрак».

– Почему там? – спросил Кирсан.

– Потому что это идеальное укрытие для снайпера, – холодно ответил Торин. – Потому что наши старые, самые секретные карты, помечают этот район грифом «Предполагаемая зона активности внеконтекстных цивилизаций. Избегать. Наблюдать. Не вступать в контакт.» И потому что... –

он посмотрел прямо на Кирсана, – ...потому что за последние сорок восемь часов все автоматические маяки и исследовательские зонды в радиусе двадцати световых лет от «Плачущего Призрака» перестали отзываться. Молча. Без сигналов бедствия. Они просто... перестали существовать.

Тишина в комнате стала густой, как смола.

– Мы идем туда, – заявил Торин. – «Укор» уже лежит на курсе. Ты будешь работать с нашим оператором анализа. Твоя задача – понять, с чем мы столкнулись. Наша задача – дать тебе на это время. А потом – действовать по обстановке.

– А каков план действий? – не удержался Кирсан.

Торин впервые за весь разговор показал нечто, отдаленно напоминающее улыбку. Без тепла. Лишь оскал.

– План, сканер, всегда один. Выжить. Уничтожить угрозу. Если не можем уничтожить – сдерживать. Если не можем сдерживать – предупредить остальных. Или умереть, пытаюсь. Добро пожаловать в Легион, Вало. Отдохни. Через четыре часа мы погрузимся в гиперпространство. А когда выйдем... – он кивнул в сторону стены, за которой лежала пустота и туманность «Плачущий Призрак», – ...там нас уже ждут. Всегда ждут.

Он развернулся и вышел, оставив Кирсана наедине с холодом металла, гулом корабля и осознанием, что щит, к которому он прибежал, был не стеной. Это был меч. Острый, безжалостный и направленный прямо в сердце тьмы. И теперь он держался за его рукоять.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СКАЧОК

Комната, которую ему отвели, была чуть больше камеры – койка, привинченный к стене стол, ниша для личных вещей и санузел размером со шкаф. Все из голого, отполированного временем металла. «Гостевая каюта, стандарт Легиона», – сухо сообщил Чаттер, перенесший свое ядро в сеть корабля с разрешения (или несмотря на запрет) легионеров. Кирсан не стал спрашивать, как ему это удалось. Возможно, ИИ «Укора» сочла безобидного спутника сканера частью его экипажа. Возможно, решила проигнорировать.

Он прислушивался к кораблю. Теперь, в относительной тишине, гудение было слышно четче. Это был не звук, а скорее ощущение – низкочастотная вибрация, которая проходила сквозь металл пола, койки, его собственные кости. Ритмичная, мощная, живая. Сердцебиение монстра.

– Чаттер, – прошепел он. – Анализ фоновых вибраций. Что это?

– Гипердвигатель нулевого поколения, модификация «Прометей-Кси», – безэмоционально отчитал ИИ. – Принцип действия: не искривление пространства, а частичный фазовый сдвиг корабля в смежное подпространство с бо-

лее низкой энергией вакуума. Побочный эффект: накопление квантовой энтропии в силовом каркасе. Текущий уровень энтропии: 74 % от критического. Корабль близок к пределу безопасной эксплуатации.

Кирсан присвистнул. «Немой Укор» был не просто старым. Он был на волосок от фазового коллапса – состояния, когда материя корабля навсегда застревала между мирами, превращаясь в вечный, безумный призрак.

– Почему они до сих пор на нем летают?

– Доступ к новым технологиям для Легиона ограничен. Ремонт и замена двигателя невозможны. Экипаж компенсирует риск высочайшей дисциплиной, постоянным мониторингом и, предположительно, ментальными практиками стабилизации.

Ментальными практиками. Кирсан вспомнил пустые глаза Торина, абсолютную выверенность движений легионеров. Они не просто служили на этом корабле. Они были его частью, его сдерживающим фактором. Их воля, их дисциплина скрепляли стареющую машину так же, как заклепки скрепляли броню.

Где-то в глубине корабля зазвучал гонг. Не резкий, а низкий, гулкий, вибрирующий звук, который, казалось, исходил отовсюду сразу.

– Общекорабельное оповещение, – сообщил Чаттер. – Подготовка к прыжку в гиперпространство. Три минуты. Рекомендую занять горизонтальное положение. Судя по по-

казаниям датчиков, процедура будет... интенсивной.

Кирсан лег на койку, почувствовав холод металла сквозь тонкий матрас. Он застегнул ремни, которые нашел под ложем. Автоматические. Рассчитанные на то, чтобы удержать тело при экстремальных перегрузках.

Гонг прозвучал снова. Чаше.

– Две минуты.

Вибрация усилилась. Металлические стены начали тихо петь, издавая едва слышный высокочастотный звон. Воздух стал гуще, заряженным статическим электричеством. Волосы на руках Кирсана встали дыбом.

– Одна минута. Корабль выходит на расчетную траекторию. Фиксирую энергетический всплеск в сердечнике.

Гудение превратилось в рев. Низкий, яростный, рвущийся из самых недр «Укора». Свет в каюте померк, переключившись на тусклое багровое свечение. Кирсана прижало к койке. Не с такой силой, как на гражданских лайнерах Конкордиата, а иначе – не физической перегрузкой, а чем-то, что пыталось разобрать его на молекулы. Ощущение, будто каждую клетку его тела слегка потянули в разные стороны. Это был фазовый сдвиг, затрагивающий саму его суть.

– Прыжок.

Рев оборвался. Наступила... не тишина. Отсутствие.

Звук исчез. Вибрация исчезла. Давление на тело исчезло. Кирсан висел в ремнях в полной, абсолютной тишине и

невесомости. Но это была не невесомость вакуума. Это было нечто иное. Ощущение падения в бездонный колодец, где не было ни верха, ни низа. Багровый свет погас, оставив его в крошечной тьме. Он попытался вдохнуть, но не почувствовал движения воздуха в легких. Он был. И все.

Это длилось бесконечно. Мгновение? Час?

И затем – обратный удар.

ВжжжЖЖУУУУМММ!

Реальность ворвалась обратно со сдавленным, искаженным грохотом. Кирсана швырнуло на ремни, свет вспыхнул ослепительно-белым, в ушах зазвенело. Он почувствовал, как корабль содрогается, металл скрежещет и стонет, будто его пытаются разорвать. Где-то далеко, за стеной, прозвучал приглушенный крик – не паники, а ярости, сдавленное командное слово.

– Фазовый срыв на выходе, – голос Чаттера пробился сквозь грохот, странно спокойный. – Столкновение с неучтенной гравитационной аномалией в подпространстве. Корабль теряет целостность поля. Удержание...

Свет снова погас, теперь уже насовсем. Аварийные лампы замигали, отбрасывая безумные, скачущие тени. Кирсан висел в темноте, слушая, как гибнет легенда.

И вдруг – тишина. Не полная, но грохот стих, оставив после себя тревожный гул поврежденных систем. Где-то шипел пар. Свет вернулся, тусклый и неровный.

– Кризис миновал. Поле стабилизировано. Причина сры-

ва: квантовая неоднородность пространства в точке выхода. Аналогична аномалиям, зафиксированным на Мекхане.

Дверь в его каюту с шипением отъехала. В проеме стоял Торин. На его лице не было ни капли страха, лишь холодная, сфокусированная ярость.

– На ноги, сканер, – бросил он. – Твой «шрам» только что лизнул нас в гиперпространстве. Выходим в точке выброса. Готовь свои приборы. Мы внутри.

Кирсан, с трудом отстегнув трясущимися руками ремни, последовал за командиром по коридорам, которые теперь были похожи на внутренности раненого зверя. Мигали аварийные огни, из вентиляции валил едкий дым, легионеры молча и быстро ликвидировали последствия срыва. Ни паники, ни суеты. Только действия.

Они вышли на мостик.

Это было не похоже на блестящие командные палубы Конкордиата. Это была пещера, вырезанная из брони и уставленная древними, аналоговыми консолями с мерцающими экранами. В центре – огромное, выпуклое окно из бронированного стекла, прорезанное сеткой силовых прожилок.

За окном лежала туманность «Плачущий Призрак».

Она была некрасивой. Не живописными газовыми облаками, а ключьями темно-лилового и грязно-желтого тумана, поглощавшего свет. В ее центре мерцала крошечная, большая звезда, от которой тянулись длинные, похожие на щупальца протуберанцы. И прямо перед «Немым Укором», на

расстоянии менее ста километров, висел объект.

Он не был похож на станцию. Он был похож на... кристалл снов, увиденных машиной. Геометрия была неевклидовой, углы казались острыми и тупыми одновременно, поверхности отражали не свет, а саму пустоту. Он был черным, но не темнотой, а отсутствием чего бы то ни было. И он пульсировал. Медленно, как сердце. С каждым пульсом от него расходилась слабая, видимая лишь на сенсорах рябь – волна искажения, которая заставляла звезды позади него дрожать и двоиться.

– «Ладья Тёмного Леса», – прошептал Кирсан, и слова повисли в ледяном воздухе мостика.

Торин стоял рядом, его взгляд был прикован к объекту. На его лице не было трепета. Была холодная, безжалостная оценка.

– Цель определена, – сказал он громко, четко, чтобы слышали все на мостике. – Легионеры, к бою. Щит поднят. Теперь посмотрим, что умеет их клинок.

Корабль, еще минуту назад едва не развалившийся, замер в боевой стойке. Тишина на мостике стала звенящей. И в этой тишине Кирсан понял, что теперь не он ведет их к разгадке.

Разгадка уже смотрела на них. И ждала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: ЛАДЬЯ ТЁМНОГО ЛЕСА

Мост «Немого Укора» застыл в боевом молчании. Шесть легионеров на своих постах – не люди, а продолжения корабля, каждый нерв натянут до предела. Только слышно ровное гудение систем жизнеобеспечения и тихий треск статики на коммуникационных панелях. Кирсан стоял позади Торина, чувствуя вес взглядов, устремленных на ту черную, пульсирующую геометрию.

– Сенсоры, отчет, – тихо приказал Торин.

Оператор у левого пульта, женщина с лицом, изрезанным шрамом, похожим на удар плазменного хлыста, не отрываясь от экрана, заговорила ровным, лишенным интонаций голосом:

– Объект. Размер: от 1.5 до 4 километров, в зависимости от того, как считать его фазы. Форма: нестабильна. Классификация: невозможно. Энергетическая сигнатура: отсутствует как понятие. Он не излучает. Он... вычитает.

– Объясни.

– Фоновое излучение туманности в его радиусе на 0.3 % ниже, чем должно быть. Как будто часть фотонов просто не существует. Температура: абсолютный ноль в пределах погрешности. Никакого теплового движения. Гравитация: аномальная. Не притягивает, не искривляет. Она определяет ло-

кальную метрику пространства. Мы видим не объект в пространстве, капитан. Мы видим дыру в правилах.

Торин кивнул, как будто это было именно то, чего он ожидал.

– Активное сканирование.

– Запускаю лидар и квантовый радар малой мощности.

Тонкие иглы энергии выстрелили из носа «Укора» к черной геометрии. Они не отразились. Они не вернулись. Они просто... исчезли, не достигнув поверхности. Будто пространство перед объектом имело глубину в ноль сантиметров и бесконечность одновременно.

– Сканирование безрезультатно, – доложила оператор. – Объект непроницаем для известных методов зондирования.

Внезапно на мосту вспыхнули все экраны одновременно, заполнившись белым шумом. На секунду. Когда шум схлынул, на каждом дисплее, независимо от его функции, появилось одно и то же изображение: схематичное, идеальное изображение отпечатка-принципа с Кривого Хребта. Оно висело там, немое и вопрошающее.

– Внешняя связь, – бросил Торин связисту.

– Никаких входящих сигналов, капитан. Ни на одной частоте. Это... не передача данных. Это прямое вмешательство в наши системы отображения. На аппаратном уровне.

Кирсан почувствовал, как по спине пробежал холодок. «Ладья» не просто видела их. Она читала. Она взяла образ из самой защищенной памяти Кирсана и показала им, как

ребенок показывает найденную игрушку.

– Ответ, – сказал Торин, глядя на изображение. – Он говорит: «Я видел твое письмо». Теперь наша очередь.

Он повернулся к Кирсану.

– Ваша гипотеза, сканер. Он ждет контакта. Как мы это делаем?

Кирсан заставил мозг работать, отбросив ледящий ужас. «Бережливая наука». Ищи отклонение от хаоса.

– Он не отвечает на активные запросы, – сказал он. – Он проявляет себя пассивно. Через... отражение. Или впитывание. Он показал нам то, что мы принесли. Может, нужно показать ему что-то еще. Не данные. Не сигнал. Состояние.

– Какое состояние?

– Состояние наблюдения, – выдохнул Кирсан, осознавая безумие своих слов. – Он реагирует на акт восприятия. На Мекхане я наблюдал за аномалией, и она активировалась. Здесь... мы наблюдаем за ним. А он наблюдает за нашим наблюдением. Это петля. Нужно ее разорвать или... замкнуть иначе.

– Предлагайте.

– Отключите все активные сенсоры. Все внешние излучатели. Оставьте только пассивные датчики. И... попробуйте не думать о нем. Сосредоточьтесь на чем-то внутреннем. На ритме корабля. На вашей задаче.

Торин смотрел на него так, будто Кирсан предлагал всем спеть хором. Но через мгновение кивнул.

– Выполнить. Всем постам – пассивный режим. Внутренний фокус. Ритуал «Немой Стены».

Легионеры на мостике, не задавая вопросов, выполнили приказ. Экранчики потухли, оставив только тусклую подсветку панелей. Они опустили головы, некоторые закрыли глаза. Их дыхание замедлилось, стало синхронным. Тишина стала еще глубже, но теперь она была наполнена не ожиданием, а своего рода медитативным отказом.

Кирсан тоже попытался. Он думал о вибрации пола, о гудении сердца корабля, о математической красоте констант. Он вытеснял черную геометрию из сознания.

И тогда «Ладья» ответила.

Не на экранах. В реальности.

Пространство между «Немым Укором» и объектом заболело. Воздух (хотя вакууме нет воздуха) задрожал, и из ничего начали проявляться образы. Не голограммы. Не иллюзии. Кажущаяся твердая реальность.

Они увидели самих себя.

Но не такими, какие они были сейчас. Версиями. Вариантами.

Один «Немой Укор» был покрыт сияющими кристаллами, прекрасный и мертвый, как памятник, а в его иллюминаторах сидели неподвижные, окаменевшие фигуры легионеров.

Другой «Укор» был разорван на части, но из его обломков бился яростный, неистовый свет, и обугленные фигуры в дымящейся броне все еще вели огонь из расплавленных

орудий.

Третий корабль... его не было. На его месте висела лишь идеальная, застывшая сфера черного стекла.

Это были не предсказания. Это были возможности. Вероятностные ветки, вырванные из квантового супа будущего и предъявленные как факт. «Ладья» показывала им, чем может обернуться встреча. И спрашивала, не словами: «Какой из этих путей вы выберете? Или вы предложите что-то новое?»

На мостике легионеры, нарушив ритуал, смотрели на призрачные корабли-отражения. На их каменных лицах Кирсан впервые увидел нечто, кроме дисциплины. Узнавание. Они видели концы, которые всегда были возможны. Концы, о которых они думали каждый день.

Торин первый нарушил трансовую тишину.

– Довольно игр, – сказал он, и его голос был тихим, но он разрезал пространство как нож. – Мы не пришли выбирать из твоих меню. Мы пришли спросить. Зачем?

Он шагнул вперед, к главному окну, будто мог дотянуться до «Ладьи» рукой.

– Ты начал с нашего мира. Сделал нам больно. Покажи лицо. Или принцип. Или что ты там считаешь своим лицом.

Черная геометрия пульсировала. Призрачные «Укоры» исчезли. Вместо них в пространстве проявился новый образ. Не корабль. Не человек.

Это была сеть.

Огромная, невообразимо сложная трехмерная паутина тонких серебристых нитей, пронизывающая все пространство. Она была красива и ужасна в своей сложности. И в узлах этой сети сидели... не существа. Сгустки информации? Идеи? Кирсан видел, как по нитям бегут вспышки – не данные, а изменения. Там, где пробежала вспышка, небольшой участок сети на мгновение становился идеально правильным, геометрически безупречным, а затем снова погрузился в хаотичное переплетение.

– Это... гиперсеть? – пробормотал кто-то на мостике.

– Нет, – выдохнул Кирсан, понимая. – Это не карта коммуникаций. Это... карта реальности. Узлы – это события, объекты, наблюдатели. Нить – причинно-следственные связи, квантовые запутанности, вероятности. А они... – он указал на сгустки в узлах, – они чистят ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.